

Ван Сюань сидел на скамье, переводя дух и утирая пот полотенцем. Попутно он всю любовался Гоуданем: тот в белой майке продолжал тренировку, и рельефные изгибы его бицепсов выглядели невероятно притягательно. И когда только у него силы кончатся? Выносливость просто поразительная. Воздух в спортзале казался пропитанным густым мускусно-мужским ароматом, и Ван Сюаню до ужаса захотелось...

— У-у-у... Папа! Папочка! Братик меня обижа-а-ет! — раздался издали жалобный, бесконечно тягучий плач. В унисон с ним послышался торопливый топот маленьких ножек: шлёп-шлёп-шлёп.

Ван Сюань прижал ладонь ко лбу. По одному только этому завыванию было ясно, кто идёт. Ну конечно, кто ещё, кроме их младшенького, Чэншаня, станет устраивать трагедию и канючить из-за малейшей чепухи? Ну и характер...

Он порой всерьёз задавался вопросом: уж не унаследовал ли этот мальчишка свой бесхребетный характер от второго носителя генов?

Ван Сюань отложил полотенце и поднялся навстречу сыну. Чэншань с налёту уткнулся ему в колени, намертво обхватил обеими ручонками за бедро и залился горячими слезами, спрятав лицо.

Ван Сюань молча воззрился на макушку сына. В народе ведь как говорят: у кого на голове два вихра, те растут отчаянными забияками и драчунами. У Чэншаня этих вихров целых три — так отчего же он такой размазня?

— Ну и что опять натворил твой брат? — вздохнул Ван Сюань. — Вы же только что прекрасно ладили.

— Брат... брат меня бросил! Он ушёл на свидание! И меня с собой не взял!

— ... Сынок, если твой брат ушёл на свидание... на свидание?! Коли это свидание, то тебе там точно делать нечего, — растерянно пробормотал Ван Сюань.

— Да и вообще, с кем это он собрался встречаться? Вы разве не в игровой комнате возились?

Сегодня праздновали день рождения одного из тройняшек. пышное торжество устраивать не стали — просто позвали соседских ребятишек и одноклассников повеселиться в игровой, где за ними присматривали няни. Дети сами вызвались развлекать гостей, так что они с Гоуданем решили не мешаться под ногами и ушли размяться в спортзал. Но не прошло и получаса, как один из виновников торжества прибежал жаловаться, захлёбываясь слезами.

— Да с Ихань, первой красавицей нашего класса! Она сегодня тоже пришла. Она теперь девушка брата! И брат отдал ей ту самую сборную модель, о которой я так давно мечтал! Мне

он её зажимал, а девчонке своей сразу подарил!

Вот что ранило Чэншаня до глубины души. Он-то наивно полагал, будто старший брат бережёт игрушку для себя, потому и не клянчил. А тот взял и запросто спустил её девчонке! Какая несправедливость! У-ы-ы-ы!..

— И из-за этого ты разрыдался? — Ван Сюань едва сдержал желание закатить глаза. — Ну завёл брат подружку, так заведи и ты себе какую-нибудь. Хватит уже реветь, взрослый ведь парень. И вообще, как ты мог бросить гостей и сбежать сюда? Кто их развлекать будет?

Чэншань шмыгнул носом и ошарашенно уставился на отца. Из его ноздри выдулся знатный пузырь, который с негромким хлопком лопнул, заставив малыша вздрогнуть.

— Я... я забыл, — пролепетал он. — Ладно, папочка, я побежал обратно. Но всё равно брат плохой! Он меня обидел, и вообще... у него эта... ранняя любовь!

Выпалив это, Чэншань развернулся и припустил назад, только пятки засверкали.

«Надо же, даже словечки такие знает... — покачал головой Ван Сюань. — И откуда только у этих сорванцов в головах подобная чушь берется?»

В этот момент из душевой вышел Гоудань.

— Мне показалось или Чэншань опять ревел? — Он нахмурился. — Вечно этот малец сырость разводит. Словно они с Чжэньчжэнь при рождении телами перепутались.

Вторая из тройняшек, их дочка Чжэньчжэнь, плакать вообще не умела. Зато любого мальчишку, рискнувшего её задеть, могла закатать в асфальт и отлупить так, что мало не покажется. Когда их впервые вызвали в школу к директору, виновником оказался вовсе не кто-то из сыновей, а их «нежная и хрупкая» дочурка. Причина — драка, причём Чжэньчжэнь вышла из неё абсолютной победительницей. На этом фоне младший Чэншань и впрямь выглядел кисейной барышней.

Он рос плаксой с пелёнок: проснётся — в слёзы, проголодается у груди — ревёт, спать укладывают — опять концерт. Поначалу его завывания заставляли плакать брата с сестрой, так что утихомирить троицу было той ещё задачкой. Стало полегче, только когда их расселили по разным комнатам. Но мальчишке уже стукнуло семь лет, а он всё никак не изживёт эту девчоночью изнеженность.

— Ну, сейчас уже получше, — примирительно заметил Ван Сюань. — Наши попытки приучить его к самостоятельности дают плоды. Просто характер у него слишком уж мягкий, ума не приложу, что с ним делать.

— Подрастёт ещё немного — отдадим в секцию, пускай из него человека сделают, — сурово произнёс Гоудань. — Тот мастер, который занимается с Чэнху ушу, дело своё знает. Раньше мы Чжэньчжэнь жалели, потому что она девочка, да и Чэншань казался слишком хилым, вот и не стали нагружать их тренировками. Но теперь я думаю, что пора это исправлять. Начнём пораньше.

— Что ж, пожалуй, ты прав.

— Ну что, ты закончил?

— Ага, пойдём смоем пот.

Ван Сюань послушно зашагал следом за Гоуданем в ванную. О том, насколько страстным выдалось их совместное купание, история умалчивает.

\*\*\*

Тем временем в игровой комнате, которую Гоудань спроектировал специально для детей, вовсю шло веселье. Вместе с тройняшками собралось около двадцати ребят — дети близких друзей семьи и школьные товарищи. Круг общения у них практически совпадал: в элитной школе, куда они ходили, классы были небольшими, и все отлично знали друг друга. Игрушки валялись повсюду, создавая живописный творческий беспорядок посреди многочисленных игровых зон и комплексов.

Когда Гоудань и Ван Сюань заглянули к ребятам, те уже набегались. Умытые и чистые, они дружно уплетали приготовленный нянями праздничный торт. Благодаря хорошему домашнему воспитанию, за столом дети вели себя на удивление чинно — от недавней весёлой кутерьмы не осталось и следа. Малыши вежливо благодарили прислугу за угощение.

Отцы лишь ненадолго показались в дверях, чтобы поприветствовать маленьких гостей, и, убедившись, что всё в порядке, удалились, не мешая детской компании.

Стоило взрослым уйти, как по игровой пронёсся дружный вздох облегчения.

— Ух, ваши папы такие грозные... — прошептал один из мальчиков.

— Ничего они не грозные! — тут же выступил на защиту Чэнху, так и лучась гордостью за отца.  
— Мой папа невероятно крутой! Он может одним ударом ладони расколоть булыжник. Он мой кумир!

— Серьёзно? Прямо руками камни бьёт? А... а гранитную плиту у себя на груди кувалдой разбить сможет?

—... Да раз плюнуть! — Чэнху на секунду замешкался, но быстро нашёлся: — Просто это выглядит не слишком изящно, поэтому папа такими глупостями не занимается. Но я уже сейчас учусь у него боевым искусствам. Вот вырасту — сами увидите, как я камни в крошку крошить буду!

— Ого, вот это да!

— Крутизна!

— А я на тхэквондо хожу!

— Пф-ф, то тхэквондо... Ерунда по сравнению с ушу!

— А тот красивый дядя — это твой второй папа? Он такой симпатичный, прямо как актёр из телевизора! Я вырасту и обязательно выйду за него замуж, — мечтательно заявила одна из подружек Чжэньчжэнь.

— И я! Он такой классный, ну прямо вылитый мой любимый певец!

— Ишь чего удумали! — надулась Чжэньчжэнь. — Это мой папочка, я его вам не отдам!

— А я всё равно выйду!

— А моего грозного папу ты не боишься? — хмыкнула Чжэньчжэнь. — Попробуй только сунься — он тебя одним щелчком отправит на Луну!

Малышка тут же вспомнила суровый взгляд Гоуданя, который даже улыбался так, что поджилки тряслись. Она поёжилась и поспешно пошла на попятную:

— Ладно-ладно... Тогда не выйду.

— Но вы вообще-то можете выйти за моих братьев! — великодушно предложила Чжэньчжэнь. — Тогда папа вас не тронет. Хоть за старшего, хоть за младшего — выбирайте любого! А папа вам ещё и кучу денег в красных конвертах подарит.

Она частенько видела, какими пухлыми конвертами обменивались взрослые на семейных праздниках, и считала это отличной сделкой.

— Ну уж нет. Старший у тебя слишком вредный, да и занят уже — все знают, что он сохнет по Ихань. А младший вообще коротышка, да ещё и рёва-корова!

Ихань была дочкой дяди Чэн Шу, родилась всего на пару месяцев позже них, так что они действительно росли вместе. Но Чжэньчжэнь и подумать не могла, что её братец уже крутит с ней шуры-муры! Вот это новости!

Впрочем, решив разобраться с этим позже, она продолжила рекламную кампанию:

— Да ладно вам! Мой младший брат вообще-то одного возраста со мной, мы же тройняшки!

— А чего он тогда такой мелкий? Моя мама говорит, что парень должен быть высоким, иначе с ним не будешь чувствовать себя как за каменной стеной.

Маленькие собеседницы толком не понимали, что это за «каменная стена», но раз мамы так говорят — значит, чистая правда. Спорить с материнским авторитетом никто не собирался.

Чжэньчжэнь мысленно вздохнула. Младший действительно отставал в росте и был ниже большинства девочек в классе. Какая головная боль! С такими темпами его и даром никому не соватаешь. Придётся взять его под строгий контроль: пускай хлещет молоко литрами и завязывает со своими капризами за столом.

Сам Чэншань даже не подозревал, что девочки уже всю судачат о его росте и беспощадно вычеркнули его из списков потенциальных кавалеров. Бедный ребёнок и не догадывался о нависшей над ним угрозе тотального одиночества: с таким реноме ему светило остаться без «дамы сердца» вплоть до самого выпуска из начальной школы.

Как говорится, прирождённый холостяк с пелёнок — всё сам, всё своими силами!

А пока ничего не подозревающий Чэншань увлечённо хвастался перед приятелями своими сокровищами:

— Но сейчас я вам их не покажу, они надёжно спрятаны! Эй, Ся Пэн, у тебя торт вкусный? Дай кусочек попробовать!

— Ладно, только ты мне свой тоже давай!

— Запросто! — легко согласился Чэншань. Свою порцию он всё равно недолюбливал, так что обмен был ему только на руку.

Вскоре к этой весёлой дегустации подключилась и остальная детвора. Они увлечённо таскали лакомые кусочки из тарелок друг друга, и в такой дружеской суматохе Чэншань умудрился съесть гораздо больше обычного, даже сам того не заметив.

Ближе к вечеру гости стали расходиться. Малыши тепло прощались и один за другим уезжали

на машинах, которые прислали за ними родители. В огромном доме наконец воцарилась блаженная тишина.

— Ну что, орлы, марш в игровую наводить порядок, — скомандовал Ван Сюань. — Уборка за гостями — тоже ваша обязанность.

Понятно, что много на семилетках не наработаешь, но приучать их к порядку нужно было с детства. Игрушки следовало разложить по местам, а мусор собрать. Раз уж сами зазывали гостей — извольте делить и последствия весёлого праздника.

В гостиную заглянули вернувшиеся с прогулки Ли Сы и Яо Юньлань. Дедушка Ли Сы обожал возиться с внуками, и поначалу шумная орава ребятишек привела его в полный восторг. Но уже через полчаса от пронзительного детского визга у пожилого мужчины разболелась голова, и ему пришлось поспешно увести супругу на свежий воздух.

Теперь, когда посторонние разошлись, вся семья наконец-то собралась за одним столом. Настоящее празднование только начиналось: если днём тройняшки развлекались со сверстниками, то тихий вечер был посвящён исключительно самым близким. За ужином царило редкое и тёплое согласие.

Насытившись, Гоудань как бы между прочим спросил:

— Ну что, Чэнху, до меня тут дошли слухи, будто ты уже дамой сердца обзавёлся?

— Ну да, есть такое, — не моргнув глазом, подтвердил первенец с таким видом, словно удивлялся, как отцы умудрились узнать об этом только сейчас.

— Ого, и кто же эта счастливица? Красавица хоть?

— Да Ихань, дочка дяди Чэн Шу. Она младше нас всего на три месяца. Моя девчонка — признанная первая красавица, куда там дочке дяди Бэйшэна!

Гоудань восхищённо показал сыну большой палец. «А малец-то не промах! — с гордостью подумал он. — Замахнулся на любимую дочурку самого Чэн Шу! Сразу видно — моя кровь!»

Похлопав сына по плечу, он ободряюще ухмыльнулся:

— Что ж, сынок, дерзай. Главное — держи удар, когда её грозный папаша решит устроить тебе проверку.

— За это не переживай, она сама за мной бегала, — беспечно отмахнулся Чэнху. — Вообще-то у меня в детском саду уже была любовь, но после выпуска наши пути разошлись. Так что Ихань

— моя вторая пассия.

Гоудань мысленно хмыкнул. Не дай бог паршивцу ляпнуть подобное при Чэн Шу — тот из него всю душу вытрясет. Но в глубине души отец так и светился от гордости: надо же, у парня такой успех у девчонок! Похоже, за будущее сыновей можно не беспокоиться — бобылями точно не останутся.

Чэн Шу за годы службы в армии превратился в настоящего боевого офицера — сурового, как зазубренное лезвие. Прошедший суровую школу спецназа и повидавший немало горячих точек, он берег дочку как зеницу ока. Гоудань не сомневался: любого наглеца, посягнувшего на его сокровище, Чэн Шу сначала хорошенько намнёт бока, а уже потом станет слушать объяснения.

Впрочем, сам будучи отцом подрастающей дочки, Гоудань прекрасно понимал эти чувства. Но удержаться от злорадства всё равно не мог. «Ай да молодец, сынок! Так его!» — мысленно хохотал он.

Он до сих пор помнил, как Чэн Шу, впервые увидев фотографии новорождённого Чэнху, присланные по электронной почте, безжалостно съязвил: «И в кого они такие сморщенные? Вы их в роддоме случайно ни с кем не перепутали?»

И вот теперь этот самый «сморщенный» зять вовсю заигрывает с его ненаглядной красавицей-дочкой. Справедливость восторжествовала, и от осознания этого Гоуданя так и распирало от сладкого чувства мести.

Ему не терпелось увидеть тот день, когда Чэн Шу застукнет наглеца. Гоудань даже пообещал себе лично явиться на это зрелище, чтобы оценить, чему его отпрыск научился на тренировках. Интересно, сколько приёмов парень сможет выдержать против матёрого спецназовца к моменту совершеннолетия? Это обещало быть незабываемым зрелищем.

Размечтавшийся отец совсем упустил из виду, что его любвеобильному сыну едва исполнилось семь лет и до каких-либо серьёзных разговоров о браке утечёт ещё очень много воды.

Когда он поделился своими весёлыми мыслями с Ван Сюанем, тот лишь покачал головой:

— Тебе лишь бы посмеяться. Хоть бы о сыне подумал! Ты представь, какое полчище защитников стоит за Ихань. У Чэн Шу в роду рождались сплошь мальчишки, она у них единственная девочка на всё поколение! А ведь есть ещё родня по материнской линии — куча двоюродных и троюродных братьев из влиятельного клана Чэнь. Тому, кто осмелится посягнуть на их принцессу, придётся несладко. Натиск будет колоссальный.

— Да чего тут бояться? Наш парень палец в рот не клади, справится, — самодовольно отмахнулся Гоудань. — К тому же девчонка сама за ним бежит!

— Ты забыл, сколько им лет? Это же просто детские игры в дочки-матери. Поворкуют пару месяцев и разбегутся. Обычное баловство, вырастут — и не вспомнят про эту свою «первую любовь». — Ван Сюань невольно рассмеялся, поймав себя на том, что под подстрекательством Гоуданя начал рассуждать об амурных делах первоклашек с полной серьёзностью. Малыши просто копируют поведение взрослых из телевизора, откуда им знать про настоящие чувства?

Впрочем, в наш век интернета и телевидения дети развиваются не по дням, а по часам. Насмотрятся сериалов и давай крутить романы прямо со школьной скамьи — уму непостижимо!

— Чэншань, ты опять за своё? — строго отчитывала младшего Чжэньчжэнь, решительным жестом возвращая на место отодвинутый стакан с молоком. — Быстро пей, а то так и останешься недоростком!

Маленький Чэншань, облачённый в пижаму с забавными овечками, упрямо надул губы и поморщился:

— Терпеть не могу молоко. Не буду!

Старший брат, Чэнху, с глухим стуком опустил свой пустой стакан на стол. Его губы украшали знатные молочные усы. Он ловко слизал их, после чего сделал большой глоток чистой воды, прополоскал рот и шумно сглотнул.

— Не хочешь — как хочешь, сиди тут один, а мы пошли спать, — равнодушно бросил он.

— Вот-вос, вечно ты со всем канителишься, — поддержала брата Чжэньчжэнь. — То кашу не хочу, то чистить зубы не буду. Ты хоть понимаешь, что растёшь медленнее всех? Сегодня среди всех гостей ты был самым низким! Будешь упрячиться — превратишься в гнома и никогда не встретишь невесту!

— И вовсе я не низкий! Не придумывайте, — обиженно буркнул Чэншань. — Бабушка говорила, что я просто развиваюсь не спеша. А потом как вытянусь сразу! И буду точь-в-точь как папа!

— Без молока ты и потом не вырастешь, — авторитетно заявила сестра. — Это как цветы в горшке: не будешь поливать — завянут. Представь, мы все станем высокими, а ты так и останешься пигалицей. Будем ходить по улицам, а тебя в толпе и не разглядишь!

— Вот именно. А раз не хочешь — давай я за тебя допью, — вызвался Чэнху, протягивая руку к стакану.

— Не смей! — прикрикнула на него Чжэньчжэнь. — Не мешай процессу воспитания, пускай сам пьёт. А мы проследим, чтобы он его тайком в раковину или собаке не вылил. Наш пёс Хуэйхуэй от этого молока тоже нос воротит.

— Ну ладно... Только положите туда сахару, оно же совсем безвкусное! — сдался наконец Чэншань.

Няня, с улыбкой наблюдавшая за забавными препирательствами тройняшек, не вмешивалась. Дождавшись, пока малыш согласится на компромисс, она насыпала в стакан немного сахара. Заслащённое молоко Чэншань нехотя, но всё же допил до дна.

\*\*\*

Тем временем Гоудань и Ван Сюань, обойдя детские спальни и убедившись, что все уgomонились, наконец смогли выдохнуть и отправиться в свою комнату.

— Интересно, как там дела у Бэйшэна? — устраиваясь в постели, задумчиво произнёс Ван Сюань. — Парень уже в выпускном классе средней школы, а его до сих пор дёргают на эти дурацкие олимпиады.

— Скоро вернётся, не переживай, — успокоил его Гоудань. — Для него это пустяки. Бэйшэн учится блестяще, так что пара дней пропуска погоды не сделает, до экзаменов ещё целых полгода. К тому же в их школе действует система прямого перехода в старшие классы — достаточно просто набрать проходной балл, а с этим у него проблем точно не возникнет.

— И всё равно расслабляться не стоит, — тихо ответил Ван Сюань, засыпая на плече мужа.

<http://bllate.org/book/19654/1996908>